Рецензии, обзоры, информация, хроника

Очередной том *Stanford slavic studies*: Соломон Барт, *Собрание стихотворений*

[Соломон Барт, *Собрание стихотворений*, составление и вступительная статья Д. С. Гессена, под общей редакцией Л. Флейшмана, Stanford: Berkeley Slavic Specialities, 2002 (Stanford Slavic Studies, vol. 24), 220 с.]

Почтенная серия *Stanford Slavic Studies*, основанная в 1997 г., пополнилась очередным томом. Он посвящен загадочной фигуре поэта, чей дебют в *Альманахе стихов, выходящих в Петрограде* (1915) ставил в тупик историков литературы начала прошлого века несоразмерностью имени С. Барта именам других участников – Ахматова, Блок, Гумилев, Кузмин, Мандельштам... После революции, как сообщали скупые сведения справочников по литературе русского зарубежья, творческая деятельность его продолжилась в Польше, где вышло несколько стихотворных книг, а в периодике можно было наткнуться на его статьи и рецензии.

В стэнфордский том вошли все пять книг стихов поэта и понимаемая им как поэма *Письмена* (1936), не вошедшие в авторские книги стихи из архива Д. С. Гессена, с вариантами по рукописям, машинописным тетрадям, публикациям в варшавских газетах, также несколько статей, заметок, рецензий (Л. Гомолицкий, Ю. Терапиано) и образец прозы – опубликованный *Молвой* рассказ «Дуэль» (1933). Художественные тексты Барта дополнены публикацией двух его писем известному пражскому слависту, критику и руководителю Скита поэтов А. Л. Бему, письма Д. С. Гессену и двух писем из варшавского гетто друзьям – Г. В. Семенову и Д. С. Гессену.

Открывает книгу небольшая статья С. Д. Гессена «Соломон Барт (Из моих воспоминаний)», воссоздающая облик, характер и образ жизни С. В. Копельмана-Барта. С фигурой самого составителя книги, сына известного русского философа С. И. Гессена и внука политического и общественного деятеля, редактора берлинской газеты *Руль*, знакомит часть статьи Л. Флейшмана. Перебравшись в 1937 г. из Праги в Варшаву, где еще раньше обосновался его отец, Дмитрий Гессен близко сошелся с Гомолицким и Г. Клингером, стал частым гостем редакции *Меча*, познакомился с Ю. Чеховичем и Ч. Милошем. Тогда же завязалось тесное знакомство с Бартом; после известия о его гибели в гетто Гессен приступил к собиранию стихотворного наследия поэта. Прерванная различными обстоятельствами работа возобновилась три года тому назад;

кончина Д. С. Гессена осенью 2001 г. не позволила ему завершить подготовку издания.

Другая часть точной и содержательной статьи Л. Флейшмана дает отчетливое представление о творческом пути Барта и его необычном положении в русской литературной жизни Варшавы. Здесь Барт жил с 1918 г. и стал заметной фигурой в самом конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Разрыв с Гомолицким, однако, повел к почти полному одиночеству Барта в русской литературной среде Польши, – при том, что, по словам исследователя, «не только по глубине поэтического высказывания и напряженности лирического эксперимента, но и просто по продуктивности мало кто мог сравняться» с ним, а в парижских русских изданиях он, хотя бы и в обзорных статьях, «упоминался чаще, чем любой другой русский варшавский литератор» (с. 22–23). Приведенные отзывы М. О. Цетлина и Г. В. Адамовича иллюстрируют серьезное отношение к поэзии Барта, свидетельствуя о признании несомненно высокого качества.

В книгу включена также статья Л. Н. Гомолицкого из той же *Молвы*, с некоторыми сокращениями предварявшей, в качестве предисловия, книгу Барта *Стихи* (1933). По словам Флейшмана, ей «суждено было остаться единственным пространным отзывом о поэзии Барта» (с. 18). Правда, имеется еще статья В. В. Богдановича «'Чахлое сознание' (Поэзия С. Барта)», напечатанная в виленской газете *Наше время* (= *Русское слово*) 15 апреля 1939 г. Статья виленского критика объемом уступает статье Гомолицкого и содержит несравненно более суровую оценку творчества Барта, нежели статья из *Молвы*, написанная в пору наибольшей близости двух поэтов. Рассматривая «четыре книжечки стихов» (*Камни... тени...*, *Душа в иносказаньи*, *Письмена* и *Ворошители соломы*), Богданович признает превосходное владение «техникой стиха». Но для него совершенно неприемлемы стихи, «темные по содержанию» и «странные по форме», в чем сторонник классической ясности и традиционной простоты усматривает излишнюю претенциозность и результат «поэтического каприза, пресыщенности, модничанья». Барта, по мысли критика, «притягивает к себе мрак, глубина, смерть, всякие страхи и ужасы», откуда «это отчаяние, разочарование в самых истоках поэтического вдохновения, даже в своем поэтическом даре». Такое понимание его поэзии близко к мнению Гомолицкого, назвавшего смерть главной темой поэзии Барта.

Богданович-критик не испытывал интереса к современным поэтам и, по его собственному признанию, читал их стихи лишь «тогда, когда подвернутся под руку, или когда кто-либо, как говорится, «подсунет» и предложит дать отзыв». В его статье, вероятно, можно видеть результат неких попыток Барта выйти из литературного одиночества. Впрочем, статья В. В. Богдановича немногое добавила бы в ту полноту представления творчества С. В. Барта и восприятия его русским литературным зарубежьем, какую дает очередной том *Stanford Slavic Studies*.

Павел Лавринец